Открытое письмо Владимиру Соловьёву

Здравствуйте уважаемый Владимир Рудольфович. Поводом к написанию этого письма стала одна из Ваших передач на радио, в которой Вы попытались выяснить, на каком языке говорил Адам. Попытка, на мой взгляд, оказалась крайне неудачной и безрезультатной. Прежде всего, потому, что Вы, имея в виду словесный речевой язык, сразу же придали вопросу расширительный характер, а именно: на каком языке говорил Бог, если Он понимал Адама, а тот понимал Его?

Казалось бы, куда уж там - нам ли отвечать на такие вопросы. Однако, не стоит излишне драматизировать и усложнять проблему, потому как на самом деле все предельно просто. Бог разговаривал с Адамом на том же языке, на котором он разговаривает с нами. Бог существует вне времени и пространства. В отношение Его вопросы «где» и «когда» - неуместны. Бог везде и всегда, как и язык его. Но это не речевой язык, не словесный (имею в виду слово как часть, как элемент речи). Бог – это множество и язык его множественный, многообразный и всеобъемлющий. Он ведет диалог с человеком всегда, везде и постоянно. Хорошо об этом сказано у поэта:

Былинкой в поле, облаком на небе
Бог разговаривает с человеком.
Разливом рек и камнепадом с гор
Он посылает весть и пробуждает мысль… и т. д.

Вот в этом и смысл разговора с Богом! Кто-кто, а уж Он-то знает, что человеку даны глаза, уши и прочие органы восприятия, а главное – разум, способность мыслить, анализировать, делать выводы и находить решения. Именно к этим свойствам и достоинствам человека Он и обращается. Всякого рода происшествиями, событиями, явлениями природы, видениями и даже сновидениями Он, привлекая внимание, вступает в «разговор» с человеком. А мы - люди должны отвечать (и отвечаем) Ему действиями и поступками, стремлениями и устремлениями. Достоинством Адама, прежде всего, надо считать то, что он понял язык Бога, воспринял обращенное к нему. Что касается ответа, то ответить он мог мимикой, жестом, любым телодвижением – эти способности и возможности у него тоже от Бога. Речевой же язык Адама, если предположить, что он у него все же был, Богу вовсе ни к чему. Как ни к чему Ему и все наши речевые языки. Он посылает нам весть, пророчества, предупреждения и предостережения, направляя на путь истинный. Отвечаем же мы Ему поступками и деяниями своими. Адам ответил своеобразно, можно сказать – не продумано. А мы – разве не Адамовы дети? Несомненно, мы Его слышим и понимаем, но отвечаем по собственному усмотрению, разумению, а иногда и не подумавши. Словом, все мы, включая и Адама, грешны перед Богом одинаково.

Многочисленными молитвами и обращениями к Богу, звучащими на тысячах языков мы вольно или не вольно пытаемся поставить Его в подчиненное, зависимое положение. Изучай, мол, знай и понимай все, что мы изобрели и напридумывали. И внемли, конечно же, внемли. Напрасные старания!

И человеки, и все, что ими создано и придумано (речевые языки в том числе) существует во времени, Бог же существует вне времени. Стало быть, абсурдно говорить о Нем относительно какого-либо времени. Наши предки это прекрасно чувствовали и понимали. Поэтому в древнерусском языке существовал удивительный глагол, незаслуженно забытый и по неразумению исключенный из обращения разного рода специалистами, видимо, имевшими на это право. Речь о глаголе «БЕ», обозначающем существование вне или в продолжение необозримого времени. Этот глагол существовал наряду с глаголом «БЫТИ», имеющим формы: ЕСИ, БЫЛО и БУДЕТ. Формы глагола «БЕ» тоже существовали: БЯШЕТЪ, БЯШЕ и т. п., но они пока не исследованы, не определены и не идентифицированы относительно современного русского языка. Примеров применения глагола «БЕ» в древнерусских текстах множество, но, не распыляя внимание и не «растекаясь мыслью», обратимся, прежде всего, к древнейшему русскому рукописному тексту Евангелия от Иоанна, созданному специально для Новгородского посадника Остромира в 1057 году. Начинается оно так:

Искони бе слово
И слово бе от Бога,
И слово бе Бог.

«Искони» - означает исконно, основно, в основе. «Бе» – глагол обозначающий вневременное существование, основополагающее бытие. Он может быть переведен на современный язык наречием всегда, сразу тремя глаголами: было, есть и будет, а может вообще не удостоиться перевода, обозначив только вневременной смысл излагаемого, то есть: Исконно слово и слово от Бога, и слово - Бог.

«Слово» (множественное число – «словесы») в древнерусском языке всегда означало некое умствование, разумение, рассуждение, размышление, поучение, наставление, проповедь, повесть, песнь и тому подобное (не важно в какой форме – в устной или письменной). Примеров можно привести предостаточно, но приведу хотя бы один. В XII веке митрополит Киевский Климент Смолятич, укоряемый в тщеславии, направляет в свое оправдание смоленскому пресвитеру Фоке послание, состоящее из шестнадцати текстов, возможно, проповедей или поучений (современные исследователи определяют их как рассказы). При этом пишет, что посылает шестнадцать словес. Не слов, конечно же, а сочинений. Слово как часть речи определялось существительным «глагол» (глаголит, глаголят, глаголют и т. п.) или «речь» (рече, речат и т. п.) Глагола «словить», то есть произносить слова

в древнерусском языке никогда не было. Таким образом, слово в древнерусской традиции - это устно или письменно высказанная мысль, осмысление, разумение, то есть то, что свойственно человеку прежде всего и отличает его от всего окружающего мира. А следовательно:

Исконен разум
И разум от Бога,
И разум - Бог.

И это не только в «Остромировом Евангелие», но и в других древнерусских Евангелиях от Иоанна. Например, Евангелие Юрьева монастыря (XII век) :

Искони бе слово
И слово беаше от Бога,
И Бог бяаше слово.

Или Евангелие «Саввиной книги» (XII век):

Искони беаше слово
И слово беаше от Бога
И Бог бяше слово.

И дальше по тексту в том же Евангелие: «…в том живот бе и живот бе свет человеком…». Во всех случаях вневременной глагол употреблен очень даже по делу и соответствует смыслу сказанного.

Смущает, конечно же, использование разнообразных форм глагола «бе» в идентичных по содержанию текстах. Но этому есть объяснение и довольно простое. Остромирово Евангелие было создано для Новгородского посадника – человека светского, возможно не достаточно образованного, к тому же пребывающего в повседневных трудах и заботах о благе города. Не досуг ему было разбираться во всяких грамматических тонкостях. Поэтому для него «бе» и только «бе». А другие два Евангелия написаны для церковных иерархов, которые грамматику со всеми её сложностями и особенностями обязаны были знать.

Таким образом, о Боге как и о разуме не мыслилось, не судилось и не говорилось относительно текущего времени. Бог всегда, а явление разума и разумной человеческой жизни невозможно определить и ограничить какими-либо временными рамками. В связи с этим странное ощущение возникает, когда начинаешь читать в переводе на русский язык современное Евангелие от Иоанна, в котором и слово было, и Бог был. Был что ли, да и нету, весь вышел. И над словом «вначале» приходится задуматься, потому как сразу возникает вопрос: вначале чего? С какого же языка переведено это

Евангелие, если точно известно, что все древнерусские Евангелия от Иоанна переведены с древнегреческого.

Ну а теперь, раз уж речь пошла об этом безвозвратно утраченном глаголе, обратим внимание на «Слово о полку Игореве». Литературный шедевр XII века. В его тексте глагол «бе» встречается три раза. В базовой форме «бе» и в формах «бяшетъ» и «бяше». И самое удивительное, вызывающее чувство истинного восторга и преклонения перед гением автора – это, конечно же, явление этого глагола в самом начале, в первой фразе произведения.

« Не леполи ны бяшетъ, бра –
тие, начяти старыми сло –
весы трудныхъ повестий о
пълку Игореве, Игоря
Святъславлича!»
(Цитирую по изданию А. И. Мусина-Пушкина 1800 года.)

Если бы автор хотел сказать: не лучше ли нам было или не лучше ли нам будет, то он так бы и сказал. Глагол «быти» присутствует в этом произведении во всех формах («еста», «был», «была» «было», «были», «будет») и не единожды. Так что, никаких затруднений, как говорится - нет проблем. Но автор не так прост – он сразу же делает позиционное заявление. Отдав предпочтение вневременному глаголу, он дает понять, что намерен вести речь с позиций непреходящих ценностей и общепринятых традиций. Не лучше ли, братья, начать старому мне толкование (осмысление, разумение) трудных повестей о полку Игореве, Игоря Святославича! Вот смысловой перевод этой фразы. Хватит досужей болтовни и разглагольствований на тему, пора мне старому, опытному, непосредственному участнику событий сказать свое слово. Обратите внимание, на то, что это не вопрос, не просьба. Это утверждение, полемический вызов, серьезная заявка и даже требование о чем свидетельствует восклицательный знак. Спрашивается, а когда предпочтительнее слушать старых, бывалых, умудренных жизненным опытом? Да всегда! Это традиция, воспринятая самой жизнью и освященная временем. Вот потому-то здесь именно вневременной глагол, а не какой-либо еще. Почти все исследователи понимают «старами словесы» как старыми словами, но, принимая во внимание значение глагола «бяшетъ», получается, что автор предлагает всегда начинать старыми словами. Извините, а куда же девать новые? Ждать пока состарятся? Нелепица получается, намекающая на склонность автора к стилевой несамостоятельности и наивной декоративности, чего у него нет и в помине.

Диву даешься, осознавая на сколько высок был в давние времена уровень внимания к особенностям языка, к его способностям и

возможностям, к его неоспоримой выразительности. Взойдем ли и мы когда-нибудь.

Вот и все, о чем я решил Вам написать, уважаемый Владимир Рудольфович. Доброго Вам здравия.

Владимир Буйначёв. 02.06.2015